

# Сергей КИСЕЛЕВ

Елена СЕМЕНОВА



1954 — родился во Львове  
1977 — окончил Московский архитектурный институт  
1973-1988 — сотрудник ГипроНИИ АН СССР  
1981-1983 — учился в аспирантуре МАРХИ  
с 1988 — частный архитектор

Основные проекты и постройки

1979 — мемориальный комплекс павшим в годы Великой Отечественной войны в селе Чекшино Вологодской области  
1987 — интерьеры штаб-квартиры Международного фонда за выживание и развитие человечества (Веснина ул.)  
1989 — представительство СП «Бурда моден», совместно с С. Поповым, при участии И. Долинской (Пушечная ул.)  
1993-1996 — административное здание, совместно с М. Чирковым (5-й Монетчиковский пер.)  
1995-1996 — реконструкция 19-этажного здания для Международного бизнес-центра Первого ваучерного фонда, совместно с С. Гилбертом и С. Гришиным (Смольная ул.)  
1993-1996 — реконструкция корпуса №1 (здания Сената) в Московском Кремле для размещения резиденции Президента Российской Федерации. Авторский коллектив: руководитель — Б. Палуи; архитекторы: В. Богачкин, С. Киселев, Л. Медянов  
1995-2000 — 23-этажный жилой дом, совместно с М. Чирковым (Ленинский просп.)  
1996 — многофункциональный комплекс с детской стоматологической поликлиникой, совместно с С. Скуратовым (1-й Щемилковский пер.)  
1997-1999 — 17-этажный жилой дом, совместно с В. Барминым и В. Богачкиным (Ельнинская ул.)  
1999 — архитектурная концепция реставрации здания Центрального телеграфа (Тверская ул.) и строительства административного здания (Газетный пер.), совместно с В. Богачкиным, Н. Белоусовым, А. Хомяковой, Г. Харитоновой, В. Швецовым, Л. Лазаревой  
1999 — архитектурная концепция строительства культурно-оздоровительного центра для детей-инвалидов с жилым комплексом, совместно с С. Скуратовым (Филипповский пер.)

Президент ООО «Сергей Киселев и Партнеры», советник Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор отделения Международной академии архитектуры в Москве, член Архитектурного совета Москвы, вице-президент Союза московских архитекторов, доцент кафедры «Архитектурная практика» МАРХИ

Андрей КУЗНЕЦОВ

Я родился во Львове в 1954 году. Отец, имея довоенное финансово-экономическое и послевоенное строительное образование, занимал начальственные должности в разных подрядных организациях, а позже переквалифицировался в представителя заказчика. Мать, учительница русского языка и литературы, по специальности так никогда и не работала: помешала война, затем рождение и воспитание собственных детей. Мы жили в старой части города в одном из высоких доходных домов — в большой квартире с высоченными потолками, огромными кафельными печами в каждой комнате, замечательной треугольной ванной, кладовой, черным ходом и огромной кухней, соединенной с прихожей и другими комнатами так, что на детском велосипеде можно было ездить по кругу. Наверное, именно эта городская среда, этот двор-колодец с кирпичным, безумной высоты забором, отгораживавшим нас от соседних, более озелененных территорий, где я вырос и прожил первые, самые важные 12 лет, сильно повлияли на последующие пристрастия, в том числе и профессиональные. Я чувствую себя вполне естественно в высокоплотной урбанизированной среде: Китай-городе, например, старом Таллине, Париже (центральной его части).

А жили мы очень интернациональной дворовой командой — мои ближайшие друзья были Сема Шлеймович, поляк Юрек, украинка Аня, дочка нашего дворника. Про самого себя я некоторое время думал, что я немец (по бабушке), но, уже учась в институте, узнал, что это не совсем так.

Когда мне было 12 лет, семья переехала в Краснодар, на родину матери. Краснодарская квартира в пятиэтажке была почти вдвое ниже львовской, и после Львова город показался мне большой станицей, я так и не смог его полюбить.

После девятого класса, будучи в Ленинграде, я случайно забрел в училище Штигица, которое называлось Мухинским, после чего некоторое время колебался: архитектура или дизайн? Ведь и то и другое сочетало в себя техническое и художественное начало, а мне хотелось найти такое занятие, которое позволило бы применить знания, полученные в общеобразовательной математической и начальной художественной школах. Судьбу решили два обстоятельства: книга Мишеля Рагона «Города будущего» и рассказы о МАРХИ соседа

Комплекс зданий Президиума АН СССР на Воробьевых горах. Авторский коллектив: руководитель — Ю.П. Платонов, архитекторы: А.Б. Батырева, С.А. Захаров, А.И. Звездин



Сергеи Мельниченко, поступившего в этот институт.

Для поступления в МАрХИ нужно было сдать шесть экзаменов. Но волновался я только из-за черчения, поскольку до того чертить тушью мне почти не приходилось. Поэтому перед экзаменом, заправив рейс-федер, я стал учиться чертить параллельные линии на бумаге и провел их безумное множество, разной толщины и плотности. В институт я поступил с первой попытки в возрасте шестнадцати лет.

Вспоминая учебу в Архитектурном, вижу, что мной предпринимались постоянные попытки как-то выделиться. Если вспомнить все курсовое проектирование, то оно тем или иным образом было связано то ли с выпендрежем, то ли с попытками сделать что-нибудь такое, чего сам еще не видел. Например, город на сто тысяч жителей... состоящий из одной улицы шириной в Ленинский проспект. Самой нахальной была экспозиция для международного конкурса на тему «Жилище в краткий срок», посвященного очередному конгрессу Международного союза архитекторов в Мадриде. Я сделал экспозицию на трех метровых подрамниках, поставленных по диагонали, на три угла (два сзади, а главный перед ним). Это решение логично вытекало из концепции экспозиции в аксонометрии, которая плотно занимала всю экспозиционную площадь. Там был макетик из пенопласта. Он представлял собой некую коробочку, размером с половину обуви, из которой торчала ниточка с красным кончиком. Если потянуть за ниточку, то ее объем увеличивался на глазах в четыре раза и превращался в некую жилую ячейку. Идея заключалась в том, что такие компактные контейнеры перевозятся на самолетах, сбрасываются на парашютах, — они моментально надуваются, расхлопываются и превращаются в жилые помещения, в которых можно поселить множество бедствующих людей. Гуманитарная идея, забавно вспоминать...

На первых двух курсах моими учителями были Михаил Александрович Туркус и Мария Ивановна Крюкова. Нам страшно импонировало, что сама фамилия Туркус ассоциировалась с далекими двадцатыми годами и как бы связывала нас с эпохой ВХУТЕМАСа.

На третьем курсе я перешел на другой факультет, где попал к моему будущему не только учителю, но и впоследствии старшему товарищу — Юрию Павловичу Платонову, взявшему тогда на обучение, в качестве эксперимента, группу в МАрХИ. И он, и Сергей Анатольевич Захаров всячески стимулировали в своих студентах этот поток

фантазирования и не навязывали собственных представлений.

К этому времени я успел поработать в Музее истории и реконструкции города Москвы, куда пошел еще на первом курсе зарабатывать деньги на свадьбу, влюбившись в свою будущую супругу Татьяну. Я дворничал там две зимы и неполных два лета, поскольку летом ездил еще в археологические экспедиции. Мы копали городища «дяковской культуры» под Подольском и в Крылатском с Александром Григорьевичем Векслером в бытность его начальником археологического отдела этого музея.

Будучи третькурсником дневного отделения, я переквалифицировался из дворника в ночные сторожа. Это было, безусловно, повышение квалификации, поскольку сторожил я уже не просто музей, а целую проектную организацию — ГипроНИИ Академии наук. В огромном пустом доме были только мы, сторожа, и небольшая группа архитекторов, работавших над Палеонтологическим музеем. Позже мне довелось сторожить почти все филиалы института: на Якиманке, в 4-м Голутвинском, на площади Гагарина. Работать сторожем было очень интересно: у меня была масса времени, чтобы бродить по мастерским в пустом здании и разглядывать, что висит на стенах и лежит на рабочих чертежных столах. А еще можно было запереть здание и немного погулять по ночной Москве.

Позже источником моего дохода сделалось черчение, а еще позже подметание самой обычной (уже не музейной) дворовой территории на улице Шверника ради получения служебной жилплощади. Время было достаточно плотным и интересным. Верилось, что удастся прожить сразу несколько жизней. Утро начиналось с исполнения дворничих обязанностей. Потом начиналась студенческая жизнь с ее курсовыми, лекциями и т.д. Потом я перебирался в мир ночного дежурства ГипроНИИ (где по совместительству подрабатывал еще техником-архитектором), а утро возвращало меня опять в дворничью. Впрочем, так как сторожить приходилось через двое суток на третьи, то оставались еще два вечера, когда можно было побыть в роли отца семейства.

За успешно защищенным дипломом последовало приглашение на работу в ГипроНИИ вместе с одноклассниками Славой Богачкиным и Надей Зеегофер. А ГипроНИИ по тем временам был очень престижным институтом с очень интересной типологией объектов проектирования. И так как мы все были учениками Платонова, то попали на объект — Президиум Академии наук. Естественно, как стажеры. Мне довелось начер-

тить бешеное количество рабочих чертежей мраморной облицовки здания Академии. До сих пор забыть не могу: 32 тысячи квадратных метров ручной облицовки и еще около 30 тысяч мраморных камней, встроенных в панели! Но постепенно мне стали доверять и более сложные задачи. Однако семью из трех человек на сто десять рублей ежемесячного оклада было не прокормить. Приходилось зарабатывать еще где-то как-то. И эти «как-то» спустя три года, к моменту поступления в Союз архитекторов, стали солидной частью экспозиции, представленной мной тогда к рассмотрению.

Однажды подвернулась крупная «халтура», найденная моей женой, пытавшейся тогда работать в качестве проектировщика для сельской местности (куда ее распределили, несмотря на специализацию реставратора). Мы с моим товарищем Володей Тараном умудрились тогда заработать кучу денег, проектируя и выполняя заказы на строительстве мемориального комплекса в Вологодской области. Это был самый крупный мемориал в Сокольском районе, с 15-метровым обелиском и огромным рельефом — 16 кв. м. Это был безусловный, если не художественный, то коммерческий, успех, удививший даже друзей — профессиональных скульпторов: такие деньги за такие сроки! Все дело было в новых технологиях изготовления шрифтовых и скульптурных бетонных рельефов, которые мы сами изобрели, изучив традиционные на комбинатах Худфонда.

Позже Володя придумал гениальный способ поиска работы путем чтения в Ленинской библиотеке районных газет, в основном из регионов с приятным климатом. Там выискивались названия колхозов-миллионеров и фамилии руководителей Героев соцтруда. В дальнейшем им рассылались письма с предложением квалифицированных услуг архитекторов и художников. Тех, кто отвечал и обещал оплатить проезд, мы навещали и уговаривали, как правило, заказать нам те или иные художественные работы. Вся зима прошла в разъездах, и к лету следующего 1980 года были подписаны контракты на сумму, по тем временам совершенно фантастическую.

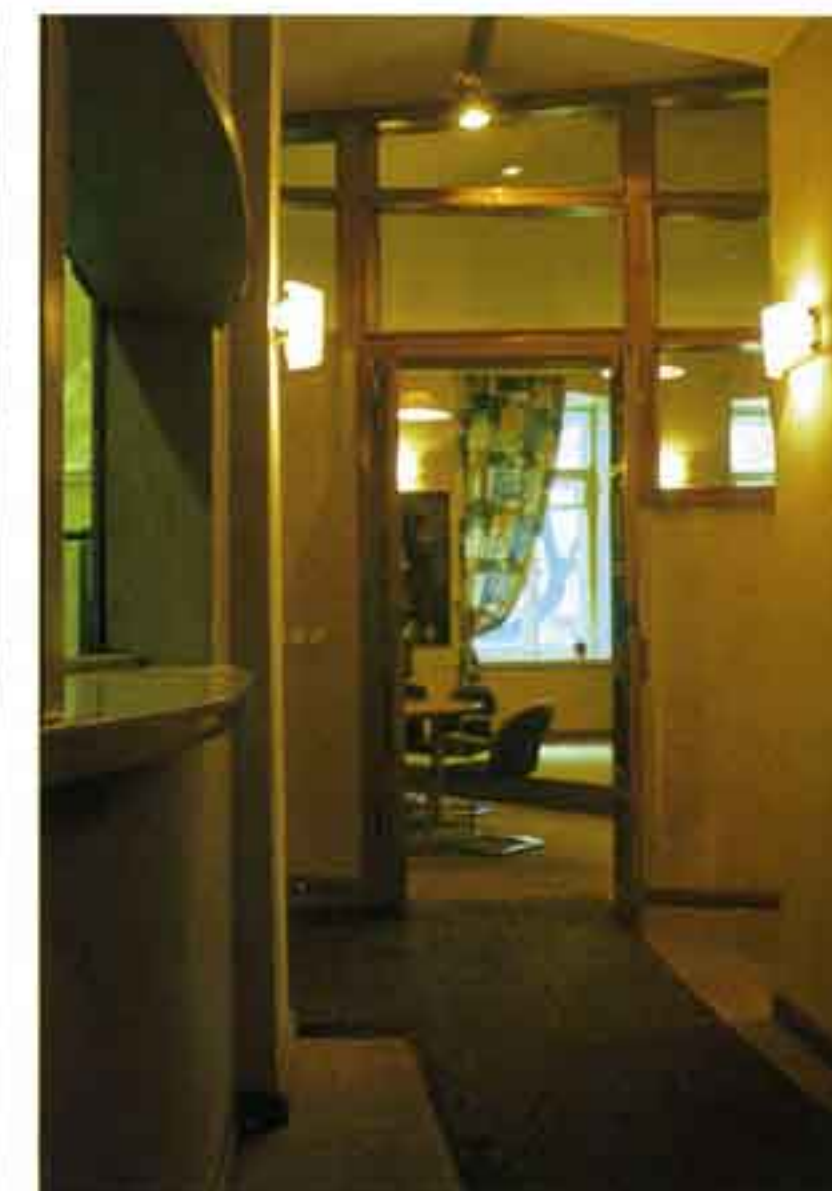
После трех лет службы по распределению был предпринят решительный шаг — увольнение по собственному желанию. Стимула присутствовало два: первый — желание иметь автомобиль; второй — необходимость довести до жилого состояния полученную тогда квартиру и обустроить ее хоть какими-то самодельными устройствами для жизни наподобие мебели. Добровольное увольнение из ГипроНИИ сроком

на шесть месяцев — шаг, по тем временам вызывавший немые вопросы: «А как же пенсия? А как же прерванный стаж? А как же больничные?..» Из этих шести месяцев три было проведено в Нижегородской области, где мы славно поработали на колхоз-миллионер, а еще два — на завершение ремонта собственной трехкомнатной квартиры, уже года полтора прозябавшей в состоянии, мало пригодном для жизни. Осень 82-го была прекрасна: родилась еще одна дочь, во дворе новенький белый «жигуленок», самодельные интерьеры отреставрированной квартиры восторженно хвалят друзья, пресса и московское телевидение.

Пора было подумать, чем заниматься дальше? Интересной работы не находилось, и пришлось вернуться в ГипроНИИ, чтобы пристроиться тем временем в заочную аспирантуру. Тему я уже сейчас не выговарю — очень сложная... но от этой затеи пришлось отказаться ввиду полной неактуальности и бессмысленности, о чем я сейчас несколько не жалею. (Уже защитившийся к этому времени Сережа Истомин делился меткими определениями диссертации, как тома туалетной бумаги низкого качества, и степени кандидата, как чемодана без ручки, который нести неудобно, а бросить жалко.) Я не сомневаюсь, что с диссертацией я бы справился, — ведь у меня скорее аналитический склад ума, чем креативный. Мне кажется, что и в природе, и в архитектуре ничего не бывает просто так, без причины, или не является следствием чего-то. (Я не об иррациональном — оно тоже бывает уместным, а лишь о мотивации его употребления.)

Что было позже, трудно вспомнить, — было несколько проектов, сделанных в ГипроНИИ, но, к сожалению, не реализованных, какие-то интерьеры... Привычка или даже потребность зарабатывать дополнительно, помимо основного места работы, осталась. Ведь, как говаривал Лис, «мы в ответе за тех, кого приручили». Дочки уже две и жена красивая... Вскоре началась перестройка и оказалось, что существуют люди, которые ко мне давно присматриваются, и в качестве «халтуры» мне была ими предложена интересная серия работ, связанных с интерьерами баров в гостиничном комплексе «Измайлово». Я уже сделал эскизы трех баров, когда вынужден был

Интерьеры Московской штаб-квартиры Международного фонда за выживание и развитие человечества  
Представительство СП «Бурда моден» в Москве.  
Авторы: С.Б. Киселев, С.Ю. Попов при участии И.М. Долинской



прервать работу из-за поездки в США, куда я попал в составе делегации архитекторов.

Поездка была подготовлена еще предыдущим руководством Союза архитекторов СССР, но состоялась уже при новой власти, когда Юрий Павлович Платонов стал президентом Союза архитекторов не «из президиума», как тогда говорилось, а «из партбюро». Все играли тогда в разные молодежные игры. Надо сказать, что со студенческих времен я все время болтался в Союзе архитекторов, а там существовали Молодежный клуб архитекторов и комиссия по работе с молодежью МОСА, и мне в разное время приходилось возглавлять и то, и другое. Эта молодежная тусовка отчасти повлияла на смену руководства Союза. А потом в качестве члена новой команды вместе с новым президентом Ю.П. Платоновым, а также ректором МАрХИ А.П. Кудрявцевым и академиком Д.П. Торосьяном я уехал в Соединенные Штаты, где двадцать один день американцы буквально передавали нас из рук в руки: Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, опять Нью-Йорк. Такой поездки не было ни до ни после не то что у меня, но и ни у кого из моих товарищей по делегации, путешествовавших несравненно больше, чем я. На каждом объекте нас встречали и авторы, и подрядчики, и так называемые девелоперы. Нам показали все новинки, нас принимали в Конгрессе, мы обедали с руководством Института американских архитекторов, нас катали на вертолете над Лос-Анджелесом... В этой поездке я познакомился с Сидни Гилбертом. Сидни был тогда вице-президентом принимавшей нас организации «Архитекторы, дизайнеры, планировщики за социальную ответственность». Из этой поездки я привез, кроме незабываемых впечатлений, более 1000 слайдов и уйму визитных карточек влиятельных американцев.

Так совпало, что, вернувшись в Москву, я получил предложение срочно сделать интерьеры для московской штаб-квартиры международного фонда «За выживание и развитие человечества». В этот фонд с американской стороны входили г-да Сорос и Форд, а с российской — академик А.Д. Сахаров, находившийся тогда в Нижнем, и академик Е.П. Велихов. Сделанная, как всегда, за одну ночь концепция интерьера понравилась руководству фонда, надо было браться за реализацию. Поскольку тогда не было никакого импорта материалов, за керамической плиткой или любым другим предметом приходилось по вечерам ходить в Мосгорплан на последний этаж Моссовета, чтобы получать наряды на «дефицит». Трудно сейчас представить те времена, ког-

да ничего не было, когда светильники-прищепки (они до сих пор там висят) были куплены мной в магазине «Свет» на улице Кирова по 16 рублей — и из них мы умудрились сделать светильники направленного света. Это сегодня их много, а тогда-то все придумывалось впервые... Я очень нежно отношусь к этой работе и мне, наверное, хотелось бы, чтобы обо мне судили более по ней, чем по какой-нибудь другой. Да, конечно, там другие светильники и не та мебель, которую я задумывал. Да, многое испорчено поздними вмешательствами, но, как несбыточная мечта, живет надежда произвести там ремонт и восстановить первоначальный замысел. С этой работы начинается для меня отсчет объектов в уже двенадцатилетней истории моей независимой архитектурной практики, потому что в отношении абсолютного большинства остальных двухсот проектов уместнее говорить «мы» — всегда либо кто-то помогал мне, либо я кому-то. (Даже у интерьеров сегодняшней квартиры на Ленинском, в которой мы живем, два автора: Тania и я. А в Фонде я один, так вот...)

Эта работа стала косвенной причиной того, что я стал одним из учредителей одного из первых кооперативов, получившего название «Контур». Те самые люди, заказавшие мне бары в Измайлово и ставшие не без моей помощи подрядчиками Фонда, начали вместе со мной ходить вечерами в Моссовет, а потом и без меня, и вскоре мы стали распоряжаться неработающей фабрикой очечных оправ на Малой Семеновской. Еще через несколько недель там развернулось производство малярного валика по три рубля, полиэтиленовых пакетов, бывших тогда в дефиците, каких-то трикотажных кофточек и еще чего-то. Я, кроме статуса учредителя и члена правления, имел еще должность директора фирмы № 001 — «Архитектурное бюро». «Контур» развивался настолько интенсивно, что на глазах превращался в многопрофильный холдинг. Полтора года спустя, когда мы всей командой покинули его, я видел печати фирмы с номером 063. «Контур» явился кузницей кадров и первой стартовой площадкой для покидавших государственные начинающих предпринимателей. И сейчас запись с упоминанием этого кооператива имеется в трудовой книжке у многих ставших известными представителями делового мира.

Вторая знаковая работа после штаб-квартиры была выполнена в стенах «Контур» — реконструкция пассажа Попова на Пушечной улице. Он был пассажем в 80-е годы прошлого века, затем — цент-

ральным адресно-справочным бюро Москвы, а в 1987-м был передан одному из первых совместных предприятий — «Бурда Моден», где советскую сторону представлял Внешторгиздат, а немецкую «Анна Бурда ГмбХ» и концерн «Феррошгаль». Поскольку один из учредителей «Контур» был знаком с только что назначенным руководителем этого СП, то мне было предложено выполнить эскизы по реконструкции. Все было сделано опять же за ночь и за день. Надо заметить, что за некоторое время до этого предложения договор на проектирование был заключен с 9-й мастерской Моспроекта-2. Видимо, первые эскизы не удовлетворили заказчиков и поэтому как с советской, так и с немецкой стороны было решено поискать альтернативных архитекторов. С советской попался я, а с немецкой — господин Шлицингер, очень уважаемый пожилой архитектор, работавший тогда для «Феррошгаль» и имевший в своем активе много работ, включая особняк для Гельмута Коля. При сравнении представленных мной и г-ном Шлицингером эскизов оказалось, что многие идеи у нас схожи, но предложенная мною цена, видимо, была существенно ниже и убедительней... И было принято решение заказать мне более детальный проект и представить его на правлении. В силу сжатых сроков мной были привлечены к работе Сережа Попов и Ира Долинская. Мы дружно «выкосили» эту экспозицию и представили ее на презентации в Хаммеровском центре. Концепция была одобрена, а кооператив «Контур» получил контракт сначала на проектирование, а потом и на строительство. Это была, конечно, авантюра — делать такого размера проект. 1650 кв. м труднейшей реконструкции памятника архитектуры с очень сложными системами инженерии. Но тем не менее мы взялись за это, хотя умели к тому времени далеко не все. И в результате закончили утверждаемую часть на два месяца быстрее, чем к ней подошел Моспроект. (К чести заказчика надо заметить, что он оплатил оба проекта.) Такого объема основной работы я не мог выдержать и уже весной 1988-го уволился из ГипроНИИ, поскольку было совершенно бессмысленно тратить восемь часов в день за 150 рублей в месяц, зарабатывая в вечернее время 800. Так за рабочим проектированием и строительством пролетел год. Параллельно поступали другие просьбы и поручения. Само обеспечение профессиональными услугами столь интенсивно развивающихся подразделений кооператива увеличивало количество работы. Мы были крайне разо-

чарованы финальной частью реализации, где куча наших идей оказалась потеряна из-за скомканности сроков. Но когда все доделали и всем очень понравилось, от руководства СП поступило предложение о стратегическом сотрудничестве. Фактически мы стали на какой-то период одним из подразделений «Бурда Моден», хотя и работали на контрактной основе. Наши проекты были реализованы в Риге, Орле, Москве, Питере, Владивостоке, а не реализованы — в Нижнем Тагиле, Ташкенте, Софии, Одессе. Часть денег мы получали натурой: для нас закупались всякие ксероксы-факсы, компьютеры, канцтовары, и мы постепенно стали походить на нормальное бюро и пользоваться всякими штучками, которые до этого видали только в каталогах. То было славное время, когда раз в две недели мы что-то выпускали и ночевали на работе. Вообще 88-й год был тоже ключевым — за неделю до нового года у меня родился сын.

К этому моменту сформировалась команда из семи архитекторов. Кроме вышеупомянутых Попова и Долинской к нам примкнули конструктор Игорь Шварцман и архитекторы Миша Чирков, Андрей Третьяков, Дима Быков и Игорь Кочанов. С ними мы перешли в «Архпроект», где открыли мастерскую с обособленным балансом на правах иногороднего филиала, размещенного, однако, в Москве. Это позволяло иметь собственную экономику, не связанную с «Архпроектом». Первым на этот тернистый путь встал Сергей Самарин, и нашей мастерской достался порядковый номер «два». Но так как нас было семь, то мы придумали, что надо взять порядковый номер «семь» и называться не «ТМА.7», а «ТМА.А7». Тогда для «Бурда Моден» мы сделали порядка 17 проектов и еще кучу всего интересного. В том числе для Института эволюционной морфологии и экологии животных — дельфинарии на озере Солёном недалеко от Анапы и на озере Инкид в Пицунде. Тогда же появились первые постройки в Москве и Подмосковье. Мы сделали жилой дом в Подольске для переехавшей после трагических событий в Баку команды Гарри Каспарова; в Одинцово — небольшое административное здание для Райпотребсоюза; на Полянке, 63 мы как бы реконструировали, а на самом деле воссоздали

Административное здание в 5-м Монетчиковском переулке, 3. Авторы: С.Б. Киселев, М.Н. Чирков  
Станция технического обслуживания автомобилей «Субару» в Москве на Аминьевском шоссе. Авторы: В.М. Бармин, С.Б. Киселев, К.В. Ходнев, Г.В. Харитонов, при участии В.С. Остапенко



по архивным материалам здание, занимаемое сейчас нефтяной компанией. В общем, появились серьезные работы.

В то время все выступали за мир — были «врачи за мир», «физики за мир»... и «архитекторы за мир». У нас сложилась собственная сборная архитекторов по борьбе за мир, и я, счастливо попав в ее состав, стал регулярно встречаться на всевозможных конгрессах с Сидни Гилбертом. Мы начали общаться не только на общественной, но и на профессиональной почве. Он спрашивал: когда же ты приедешь к нам? — А я говорил: а ты к нам? Мы затеяли с ним переписку, подготавливая программу сотрудничества и обмена кадрами. В результате более чем годовой переписки программа стала осуществляться, мы обменялись визитами с целью изучения архитектурной практики в США и СССР. Пять недель каждая из сторон пыталась почерпнуть для себя нечто полезное о своем возможном будущем партнере. В ноябре 1991 года в Нью-Йорке мы подписали с Сидни соглашение о сотрудничестве, которое определило на ближайшие пять-шесть лет наше существование. Мы фактически создали совместное предприятие, ориентированное на оказание профессиональных услуг на московском рынке для американских, западноевропейских и прочих иностранных компаний, — как правило, в области корпоративного интерьера. Тогда этот рынок был относительно пуст и только несколько иностранных компаний составляли нам конкуренцию. Мы успели занять позиции в этом секторе рынка. Среди наших клиентов были «Проктер энд Гэмбл», «Мери Кей Косметик», «Эсти Лаудер», Первый ваучерный фонд и прочие.

Вторая поездка в США перевернула меня не менее первой. В Нью-Йорке мы рассказывали Сидни о мессианской роли архитектора, а он выслушивал это молча с вежливой улыбкой. Мы действительно видели и в его, и в других архитектурных бюро, что архитектура — это прежде всего способ зарабатывания денег, а хорошая архитектура — больших денег. Одним из первых вопросов местных архитекторов был не «в каком стиле вы работаете?», а «как вы получаете заказы?». Так или иначе, по возвращении в Москву пришлось устроить революцию, в результате которой компания приобрела современное название, а коллективная собственность на средства производства стала частной. Роковая черта в иерархическом списке компании отделила меня, Попова и Шварцмана от всех остальных, переведя их в униженный тогда статус наемного персонала. Как и всякая револю-

ция, она имела разрушительные последствия. Вскоре команда рассыпалась на три дружеские, но независимые организации.

Мы «косили» интерьеры, но параллельно тяготели к, что называется, «взрослой архитектуре» — к домам. Несколько успешных проектов в области «взрослой архитектуры» привели к тому, что спустя шесть лет мы фактически прекратили делать интерьеры в силу перегруженности проектированием домов. Среди таких ключевых проектов следует вспомнить наш так называемый долгострой — жилой 23-этажный дом на Ленинском проспекте, который остановился на третьем этаже еще до предпоследних выборов президента и в таком состоянии долго полз, уже переполз черту нынешних выборов, а до сих пор сдать его не можем... По тем временам, для такой маленькой компании, сидящей в уютной квартирке на Кадашах, этот проект, конечно, был неким прорывом. Выбор заказчика в нашу пользу был скорее всего продиктован тем, что его желание иметь как можно больше квадратных метров было понято нами в самом буквальном смысле. Нам удалось придумать некий прием, в результате которого строго лимитированный на данной местности размер здания — 14 этажей с высотой потолков три метра — превращался в 23-этажный с высотой потолков 3,60. Прием, по авантюристике приближающийся к штучкам Воланда из «Мастера и Маргариты». Но самое удивительное, нам удалось доказать свою правоту главному архитектору Москвы Л.В. Вавакину. И конечно, будь построен этот дом своевременно, не остановись строительство из-за отсутствия финансирования, он прогремел бы тогда здорово, а сейчас он уже устарел. Но, тем не менее, мы его любим, хоть и мучаемся...

Следующим прорывом был дом, в котором мы сидим, — в 5-м Монетчиковском переулке. Он находится на месте снесенных в 70-е годы исторических зданий, но дело совсем не в этом. Эта замечательная и очень длинная история, закончившаяся благополучно, — как и должны кончаться все длинные истории. Сейчас здесь наш дом. Для этого нам пришлось бесплатно сделать еще целый ряд проектов, но в результате мы имеем замечательный офис, который создает компании имидж. Мы очень благодарны нашим заказчикам, а теперь уже просто друзьям, которые помогли нам отстоять во всех перипетиях и арбитражных судах эти помещения, рискуя не только своей репутацией, но и большим, сдержав то самое «купеческое слово», которое сейчас большая редкость.

Еще одним ключевым проектом можно считать концепцию развития муниципаль-

ного округа «Мосфильмовский», в работу над которым включился пришедший к нам Слава Богачкин. За многие работы мы брались в достаточной степени авантюрно, понимая, что только ставя задачи, превышающие наши текущие возможности, можно двигаться дальше, развиваться. Следуя этому принципу, мы не боимся браться за то, чего не умеем делать. Поэтому мы смело и взяли тогда за градостроительную концепцию целого куска Москвы. Удалось сделать достаточно убедительную и методологически правильную концепцию планировочных работ в самые сжатые сроки. При помощи найденного нами одного из закрытых институтов, который делал аэрофотосъемки, удалось показать планшет всей территории с фотографиями в двухтысячном масштабе. Нам удалось обойти на крутом повороте наших коллег из НИИПОКОЗа, разрабатывавших уже некоторое время аналогичную концепцию для Крылатского. Мы вышли на градсовет, на котором рассматривалось Крылатское, без протокола, только с согласия главного архитектора города. В итоге после представления нашего проекта префект Западного административного округа г-н Брячихин резюмировал: «Вот теперь вы видите, кто должен представлять работу на правительство...» В течение нескольких дней я представлял затем проект на заседаниях правительства Москвы. Наша работа получила одобрение и здесь. Более того, было выпущено распоряжение, обязывающее всех остальных префектов следовать примеру ЗАО, и небольшая очередь из них выстроилась у нас в Кадашах с просьбой сделать и для них такое же... Но мы тогда были хорошо загружены и не высказали желания лезть в петлю бюрократических согласований.

Через некоторое время пришло еще одно, как оказалось, авантюрное предложение — сделать архитектурную часть резиденции президента Российской Федерации в Кремле. В результате коротких переговоров мы были приглашены Борисом Владимировичем Палуем — руководителем 8-й мастерской Моспроекта-2 — в качестве основных субподрядчиков, и три года жизни — 1993-96 — были отданы этой интенсивной работе, где, естественно, не вся, но значительная часть работы была выполнена нашей командой... Проще сказать, что сделано не нами. Параллельно работе происходило расширение мастерской, и кроме этого «объекта века» мы сделали еще целый ряд объектов. Я мотался в Германию, отвечая за ряд проектных тем, но моей сверхзадачей было сохранить мастерскую для будущего — когда кремлевский заказ закончится. Это нам удалось.

Нельзя не вспомнить проект стоматологической клиники на Селезневке, возникший еще в те «кремлевские» времена. Мы были страшно загружены, но отказаться не было возможности, и для участия в проекте был приглашен уже давно навещавший наше бюро Сережа Скуратов. Эта работа была заказана российско-американской командой, где у российского представителя были права застройки и земля, а у американской стороны — деньги. Инвестором был очень симпатичный молодой человек, имевший американское гражданство, китайские корни и христианское вероисповедание. И он предполагал передать это здание в качестве своего религиозно-спонсорского вклада в строительство редакционно-издательского центра по изданию христианской литературы всех конфессий на кириллице. Функционально объект был крайне сложен. Его надо было разместить на территории в 0,18 га, а он туда не помещался никак. И мы как могли расширили площадь до 0,24 га. Последние 144 кв. метра были добавлены к участку за несколько дней до градсовета, куда мы уже представили хоть и девятый, но весьма сырой вариант, который, собственно, и был одобрен не без поддержки Вавакина, за что ему огромное спасибо. Возникшая после этого некоторая пауза с финансированием, вызванная каким-то очередным экономическим обвалом, позволила нам, в основном руками и головой Скуратова, привести этот дом в порядок и тем самым оправдать ожидание заказчиков, поверивших в наши возможности. Эта работа была отмечена на первом смотре «Золотое сечение» в номинации «лучший проект здания», мелькала в профессиональной периодике (что, надо признать, очень укрепило репутацию нашей

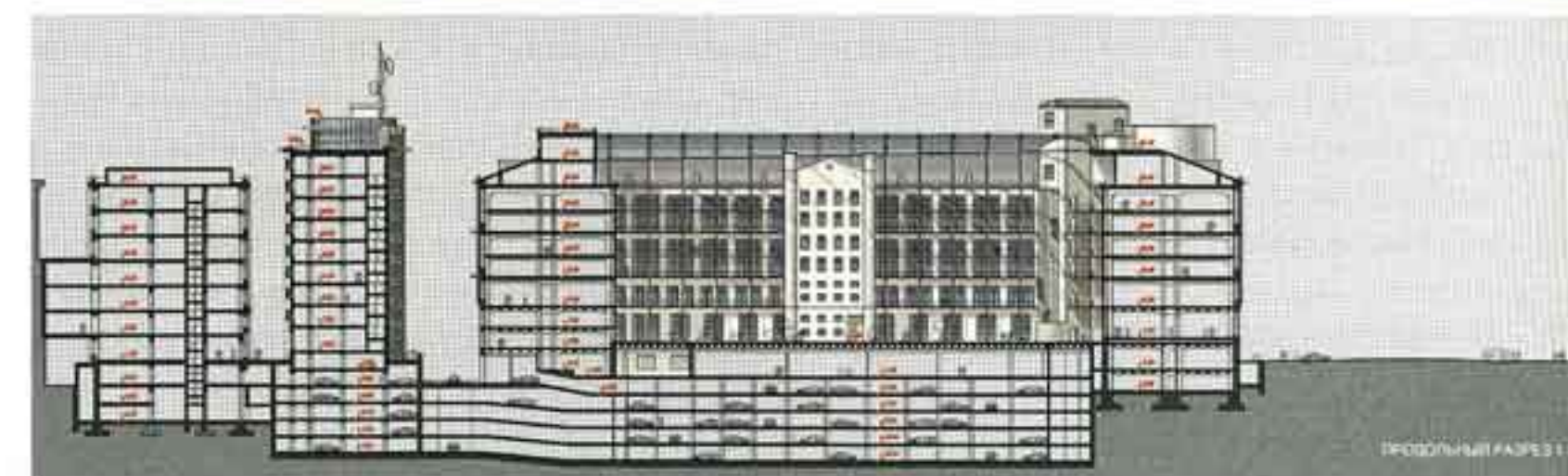
Архитектурная концепция строительства культурно-оздоровительного центра для детей-инвалидов с жилым комплексом в Москве в Филипповском переулке. Авторы: С.А. Скуратов, С.Б. Киселев

23-этажный жилой дом в Москве на Ленинском проспекте, 77-79. Авторы: С.Б. Киселев, М.Н. Чирков

17-этажный жилой дом в Москве по Ельнинской ул., 11. Авторы: В.М. Бармин, С.Б. Киселев, В.В. Богачкин, при участии Г.В. Харитоновой

Архитектурная концепция реставрации и приспособления здания Центрального Телеграфа на Тверской улице и строительства административного здания в Газетном переулке в Москве. Авторы: С.Б. Киселев, В.В. Богачкин, Н.В. Белоусов, В.В. Швецов, А.А. Хомякова, Г.В. Харитоновна, Л.В. Лазарева

Многофункциональный комплекс с детской стоматологической поликлиникой в Москве в 1-м Щемилловском переулке, 23. Авторы: С.А. Скуратов, С.Б. Киселев



компания). Архитектурное решение, отмеченное высокой наградой, является в основном заслугой Скуратова, который занимался только одним этим домом, пока я вертелся еще на десятке других проектов. Дом был сделан в соответствии с программой, одобрен представителями спонсора, и в таком виде начато строительство. Работы велись крайне интенсивно... Но тут в Москву с кураторским визитом приехал сам спонсор и был непредусмотрительно оставлен на три дня без опеки. Погуляв по Москве, влюбившись в нее и оценив увиденный строительный бум, он решил, что будет делать бизнес не только в Гонконге и Шанхае, но и здесь. А посему, несмотря на уже почти отлитую плиту фундамента, попросил в корне изменить архитектуру здания, его функциональное содержание — ну, словом, все... кроме этой плиты и сетки осей. Он очень внимательно следил за переделкой проекта — мы отправляли ему электронной почтой для одобрения все эскизы. Работа была очень нервной. В результате построилось то, что построилось... И я считаю, что получилось не так плохо — и, может быть, сегодняшнее здание является более уместным на этом месте, чем то, которое было отмечено профессиональной наградой. Поскольку такое резкое изменение было полной неожиданностью для всех участников концессии и поскольку уже сильно раскрученную стройку, где около трехсот высококвалифицированных румынских рабочих трудилось в три смены, остановить было практически невозможно, приходилось вносить изменения буквально на ходу — не имея фасадов, основываясь только на договоренности, что высота этажа будет не такая-то, а такая-то, и что вот этих колонн не будет, а будут эти... Каждую заливку бетона мы санкционировали если не выездом, то телефонным звонком, оставляя в наружных стенах проемы такими большими, насколько это было возможным, чтобы вставить потом туда окна. Но если уж что отлили, то отлили... Это был огромный риск, поскольку строящееся здание не соответствовало утвержденному проекту. Волнуясь за свою репутацию в свете грозившей нам потери лицензии, мы хотели сократить период этого риска и быстрее легализовать дом. Но все завершилось в конце концов благополучно, и новый дом был согласован уже почти по факту, поскольку румыны отливали очень быстро...

Парадоксальная история приключилась с «Кредит Свис». У этого банка были большие девелоперские программы, и они хотели, выкупив несколько зданий, построить комплекс площадью 25 тысяч кв. м в районе

Гоголевского бульвара и Гагаринского переулка. По их заказу мы разработали такую концепцию. Но банк слился с финансовой корпорацией «Си Эс Ферст Бостон» и образовалась новая финансовая структура — «Кредит Свис Ферст Бостон». Новое руководство этой компании решило не вкладывать так много денег в Россию, считая себя более прозорливым, чем предыдущее (хотя все равно они потеряли больше других иностранных финансовых структур на дефолте 17 августа). Однако слово, данное руководству города, они решили сдержать, поэтому мы были приглашены на работу по обособленной концепции, по которой выходило, что на этой территории нельзя ничего построить, не прибегая к расселению шестиэтажного здания с большим количеством приватизированных отремонтированных квартир. Что мы и сумели доказать. Для этого мы весьма тщательно исследовали информацию обо всех земельных отношениях на территории квартала. Концепция была оценена позитивно, и нам было предложено с такой же методикой осмыслить ряд кварталов в центре города (правда, мы пока этим предложением не воспользовались). Хотя с использованием этой методики мы участвовали в заказном конкурсе на реконструкцию завода «Экран» в районе Ордынки и Пятницкой и думали, что получим первую премию после высокой оценки референтуры... Однако не получили даже и третьей, утешив себя тем, что интрига и в нашей профессии играет довольно существенную роль...

Критерии для принятия в производство проекта бывают самыми разными. Например, мы не смогли не откликнуться на предложение своего учителя и выполнили под руководством Ю.П. Платонова концепцию использования подземного и подэстакадного пространства при строительстве развязки в районе площади Гагарина. То же с просьбой Москомархитектуры, в результате которой появился Московский дом Деда Мороза в Измайлово.

Пристрастия и предпочтения тоже играют немаловажную роль. Например, я и мой партнер Игорь Шварцман (единственный теперь со мной совладелец компании) очень любим автомобиль «субару» — мы не смогли отказать владельцу компании «Азия Альянс», когда он попросил спроектировать центр «Субару» на Аминьевском шоссе. Этот проект был номинантом на прошлом году «Золотом сечении», но, к сожалению, объект был достроен не в том качестве, в каком мы рассчитывали...

Кстати, на последний московский смотр на лучший проект и застройку года, кото-

рый является первым туром на следующее «Золотое сечение», мы представили семь проектов, три из которых отмечены наградами, — это здание Центрального телеграфа, жилой комплекс в Филипповском переулке и торговый центр в Реутово. О проекте телеграфа много писали, и о нем говорить нечего кроме того, что мы сейчас огорчены приостановкой проекта, но не теряем надежды...

А комплекс в Филипповском — это была очень сложная работа, но, к нашему сожалению, она не будет реализована из-за смены инвестора. Мы это понимаем и ничуть не обижаемся на коллег. На месте, отведенном под застройку, вскоре возникнет совершенно другое здание, но нам приятно, что жюри смотра решило отметить наш проект, хотя нам и жаль, что награда героя наша посмертно...

Реутовский комплекс, к сожалению, также, по всей видимости, останется образцом «бумажной архитектуры». Если заказчик когда-нибудь и накопит столько денег, чтобы построить 146000 кв. м, то вряд ли он это сделает предложенным нами способом. О полном несовпадении вкусов говорит опубликованный недавно в одном интерьерном журнале внутренний вид его кабинета и представительских апартаментов.

С некоторых пор портфолио Сергея Киселева в значительной степени совпадает с портфолио компании «Сергей Киселев и партнеры», но все-таки не полностью. Авторское участие архитектора в коллективной работе — тема тонкая и деликатная. Безусловно, самым важным является тот, кто родил идею, сотворил композицию или, как говорят, «написал мелодию». Но часто он нуждается в помощи тех, кто ее аранжирует, — они также отдают партию часть своей жизни. А какова роль дирижера, выбирающего из множества музыкальных тем ту, которую эта группа музыкантов готова играть, как единый оркестр, и ту, которую ждет публика? Ну не писать же процентное соотношение вклада в общую работу всех, у кого есть родственные чувства в отношении готового проекта? Всем ведь и так понятно, что «Телеграф» в большей степени мой, чем чей-либо, «Филипповский» более Скуратовский, чем мой, а в «Реутово» во всю «свистела» молодежь — Данила Лоренс и Костя Ходнев.

Вы спрашиваете еще о некой философии и принципах? Они есть, но давайте про это как-нибудь в другой раз, под коньячок...

Интерьеры собственной квартиры.  
Авторы: Т.И. Киселева, С.Б. Киселев

